

Иван Паластров

**ГДЕ-ТО
НА СЕВЕРО-
ВОСТОКЕ**

Иван Паластров
Где-то на Северо-Востоке

«Издательские решения»

Паластров И.

Где-то на Северо-Востоке / И. Паластров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838236-9

Волчица лежала у входа и, оскалившись не мигая, смотрела на охотника, она потеряла много крови и была обессилена. Серёга поежился от такого взгляда и, прицелившись, выстрелил, волчица дернулась и затихла. «Все, конец зверю, надо в логове посмотреть, щенки должны быть», — подумал охотник и подошел к логову.

ISBN 978-5-44-838236-9

© Паластров И.
© Издательские решения

Содержание

Зелёные сопки	6
Рай в шалаше	8
Лёня	10
Сумка с бельем	12
Романов	13
За Плиской	15
Медведь	17
Вкусный ветер	20
Обжора	21
Михалыч	23
Глаза в глаза	25
Попутный рейс	26
Сердце дракона	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Где-то на Северо-Востоке

Иван Паластров

© Иван Паластров, 2017

ISBN 978-5-4483-8236-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зелёные сопки

Под крыльями вездесущей «аннушки» величаво проплывают древние сопки, зеленые холмы богатой Чукотской земли. Неизъяснимо притягателен Заполярный край в любое время года. Сейчас под крыльями «аннушки» Северные летние пейзажи. Белизну бесконечных сияющих снегов сменила тёмная зелень распадков. Голые вершины хребтов побурели и порыжели. Сталью поблескивают небольшие озера, серебрятся чешуйчато извилистые ручьи и речки. Впрочем, еще есть кое-где в глубоких и узких распадках пятна белого снега. Самолёт летит на юг от Билибино в поселок анюйских горняков с красивым названием Весенний. Через час впереди показалась небольшая терраса у подножия высокой сопки, на которой виднелись белые домики посёлка горняков – это и есть поселок Весенний. Вокруг сопки, сколько ни смотри, везде они. Справа золотая, слева медная, а в соседнем распадке геологи нашли месторождение вольфрама. Ближайший полигон золотоносных песков в пяти минутах хода от посёлка. Есть такие участки, за сотню и более километров, на которых бригады госдобычи и старательские артели добывают золото. Вся эта территория раскинулась на многие сотни километров – в этом главная трудность анюйских горняков.

Связь между горными участками и артелями осуществляется только вертолётном, базирующим на Весеннем. Два экипажа вертолётчиков посменно летают круглые сутки, благо день на Чукотке длится все лето. Сверху поселок анюйских горняков кажется горстью белых кубиков, брошенных на пологий склон зелёной сопки, покрытой буйной растительностью стланика и лиственницы. Летом он похож на высокогорный санаторий где-нибудь на юге, так красивы окружающие посёлок пейзажи. Изобилие солнца, зелёные сопки самых различных силуэтов, долина небольшой речки Баимки, распадки и тишина вокруг. Чем не место для курорта? Но многие весенненцы ещё очень хорошо помнят нелёгкую жизнь в период освоения этой Чукотской глубинки. Да и сейчас жители посёлка постоянно чувствуют свою отдаленность от районного центра Билибино и областного города Магадан. Хотя триста километров по зимнику по Чукотским масштабам не расстояние, говорят северяне. В Билибино не полетишь на пару дней по делам, можно застрять на пару недель из-за непогоды, облачность закрывает все перевалы на долгое время. Дорожники нарезают зимник только в декабре, когда мороз скуёт тундру и ручьи. Из-за непрохождения радиоволн, поселок часто остаётся без радиосвязи.

Весенненцам приходится завозить сюда машинами и «аннушкой», или вертолётном, всё необходимое для жизни и работы горняков. Если учесть, что полигоны прииска удалены от посёлка на сотню, а то и больше километров, то станет ясно: нет, жизнь и работа в глубинке – это не курорт. Но весенненцы любят свой поселок.

Начальник стройцеха прииска Анюйский Владимир Демочкин вообще считает его родным домом и гордится как своим детищем: ведь он руководил строительством посёлка с первых колышков, с первых домиков. В 1965 году по зимнику в долину речки Баимка были привезены из посёлка Ангарка, что в шестидесяти километрах от прииска, восемь деревянных избушек. Первый восьмиквартирный дом возводили своими силами, людей хватало, было три бригады строителей, но не было никаких механизмов, недоставало стройматериалов. Одновременно с домом, который строили два года, строили контору прииска, столовую, почту, медпункт и баню с прачечной. В 1967 году работать стали районные специализированные строители, которые за три года построили пять восьмиквартирных домов, детские сад-ясли, клуб, который до этого был в большой палатке, склады для торговли, электростанцию. Прииск раз-

вивался, и строился посёлок. Появилась своя пилорама, столярный цех. На лето стали приезжать строй. отряды студентов, которые отстроили бокс для тяжёлой землеройной техники.

Прииск Анюйский просуществовал около тридцати лет, его закрыли, как и многие прииски Колымы и Чукотки. Посёлок Весенний живёт до сих пор. В нём живут старатели, которые приезжают на летний сезон и занимают несколько квартир в самом большом двадцати четырех квартирном доме. Зимой посёлок пустует, стоят дома, когда-то построенные бригадой Владимира Демочкина, стоят занесенные снегом и ждут весны, когда сюда приедут люди. Когда-то зелёные сопки вокруг Весеннего, радовали взгляд тех, кто тут жил и работал. Посёлок знал лучшие времена.

Рай в шалаше

На прииск ко мне должна была прилететь моя жена – нужно было как-то решать вопрос с жильем. Половина рабочих жили в больших палатках. Жилье строилось, но как-то вяло – не хватало строителей. Большинство семейных строили свои домики: кто из леса-кругляка, благо его привозили много, кто просто засыпные опилками, из теса. Я на прииск приехал один, Светлана, молодая жена, осталась на материке ждать моего вызова. Она была беременна. Я был ещё слишком молод, чтобы осилить строительство домика, хотя и небольшого. Большие дома никто не строил, потому как все ехали сюда, на чукотский прииск, временно, на пару-тройку лет, заработать денег и уехать обратно. Но редко кто так уезжал, это временное растягивалось на десятки лет.

Сторговался я с одним татаринном: он продавал свой недостроенный домик, так как собрался переехать на другой прииск. Домик был срублен из кругляка. Не было в нем рам в двух окнах, крыша не покрыта рубероидом. Конечно, это домик был не фонтан, но у меня не было выбора – жена не хотела жить одна и настаивала на переезде ко мне. Итак, я начал обустроить свое гнёздышко. Во-первых нужно было покрыть крышу, и что-то делать с пустыми глазницами окон, уныло смотрящими в тундру. На прииске не оказалось ни рубероида, ни стекла. Был конец лета, а завоз бывал только по зимнику, а это не раньше нового года. С рубероидом меня выручил плотник, чья кровать стояла рядом с моей. Мы жили в большой палатке, и я посетовал ему о своей беде. «Достанем, я знаю где лежат два куска толя. Тебе как раз хватит на крышу, – обнадежил он. – Сегодня, попозже вечером сходим и заберём. Тут рядом». Сказано – сделано. Вечером, когда все уgomонились, кроме картёжников, игравших на деньги до самого утра, мы пошли на дело. Куски толя лежали в кладовке под зданием конторы прииска, которую по ночам сторожила бабка-сторожиха. «Стой тут, я сам достану», – сказал плотник и полез в низкую дверцу, сделанную в фундаменте конторы. Я, конечно, сразу же согласился, так как лезть самому мне вовсе не хотелось. Тут я услышал громкий скрип: это плотник отдирает доски от стенки кладовки, чтобы попасть внутрь. Я стоял ни жив и ни мёртв и думал – сейчас нас накроет сторожиха. Она должна быть в конторе. Но к моему счастью, она вовсе не сторожила, а придя вечером, дожидалась пока все уйдут и, спокойно закрыв дверь на замок, уходила домой спать до утра. Время тянулось медленно и мне казалось, что прошла целая вечность, а плотник всё отрывал доски... Гвозди, наверное, не хотели вылезать и громко скрипели. «Принимай», – наконец сказал плотник, подавая куски толя, скрученные в рулон. Мы благополучно донесли рулоны до моего домика и пошли спать. То ли кто припрятал эти рулоны под конторой, то ли о них забыли, но шума не было. Мне как раз хватило этих рулонов покрыть крышу.

С окнами проблем вообще не было. Сосед Саня посоветовал вместо стекла затянуть окна мешками из-под аммонита. Они были из толстого целлофана, что я и сделал. Правда, что было на улице, мы не видели, но все равно было видно, что на улице день. Дальше нужно было что-то делать со стенами и потолком, не оставлять же голые бревенчатые стены и доски потолка. И тут мне повезло: на складе прииска была целая стопа сухой гипсовой штукатурки, в виде больших квадратных листов, обклеенных с обеих сторон толстой бумагой.

Но тут была другая проблема, листы были тяжелые и далеко от домика – нужно было везти. Нужен был трактор с волокушей-кузовом на полозьях: домик стоял в тундре, и на машине туда не проехать. Я договорился с трактористом трактора по хозяйству, проще хозяйкой, чтобы он довёз мою злополучную штукатурку до дома. «Солдат», так мы звали тракториста хозяйки, почему-то поехал не напрямую по тундре, может, боялся застрять, что вполне

могло быть, а через склон сопки. Когда он спускался, не доезжая метров пятьдесят, разулся на одну гусеницу. Все листы штукатурки мне пришлось таскать на себе.

Вот, наконец, листы были прибиты на место. Обоев, конечно, не было и стены пришлось заклеить картинками из журналов, которых было навалом. Получилось, по моему разумению, красиво. Разделил комнату пополам дощатой перегородкой на спальню и кухню. В одном углу поставил бочку для воды, которую зимой возили машиной, а в другом – железную печку, сваренную из половинки бочки из-под машинного масла. Так как у меня не было никакой мебели, в комнате на деревянные козлы я положил панцирную сетку от полуторной кровати, повыше от пола, застелил ватным матрацем и одеялами, выпрошенными у завхоза. Белье тоже оттуда. В общем, жильё, к приёму беременной жены, было готово.

Светлана прилетела в начале сентября, я её встретил и повёл в свой терем. Нет, она ничего не сказала по поводу жилья, в котором ей предстояло жить с маленьким ребёнком, которого она скоро родит, она была просто счастлива от того, что будет рядом с мужем, а с милым, как известно, и в шалаше рай. Светлана родила сына в конце октября, как раз в день своего рождения. По ночам малыш спал в большом фибровом чемодане, пока столяр в столярке не сделал для него детскую кроватку. Примерно через год прииск выделил нам крохотную комнату с отоплением, а с рождением второго сына, у нас был приисковый домик на три комнаты, с кухней и тёплой кладовкой. Рядом с домиком, так как он был крайним в улице, я построил свою жаркую баньку. Так мы прожили 17 лет. Это были самые счастливые годы нашей жизни.

Лёня

Ждановских приехал с другого прииска Стадухино, который расформировали как прииск и сделали простым участком. Людей перевели по разным местам, так несколько семей приехали на прииск Анюйский во главе с директором. Ждановский был горным мастером, имел весёлый характер, и его сразу начали называть Лёней. Был он небольшого роста, худенький, с густыми бровями, которые никак не вязались с его голубыми глазами со смешинкой и долей хитринки. У Лёни была семья – жена Нелечка и сынишка. Работал он горняком, пока не случилась беда, заболели суставы, не только ног, но и рук. Голова у Лёни работала неплохо, и выбрали его председателем поселкового совета, которому подчинялись не только поселок Весенний, но и вся округа с пастбищами для оленей.

Зашёл как-то в поссовет начальник пожарной охраны Душкин, зашёл по своим пожарным делам и заодно посетовал на Семёныча, который построил баньку рядом с домом, не спрося у него разрешения. «Николаич, (отчество Лёни) ты бы поговорил с Семёнычем за баньку, не ровен час и дом спалит». Душкин просто схитрил, потому как придраться было не к чему, банька у Семёныча стояла в нескольких метрах от дома и сделана была по всем правилам пожарной безопасности, но без его разрешения. «Ладно, я вызову его и поговорю, пусть возьмет разрешение задним числом, для галочки тебе пойдет», – пообещал Лёня начальнику пожарной.

Семёныч сидел дома за столом и пил чай, когда к нему пришла секретарша поссовета. «Семыныч, тебя Николаевич вызывает что-то в совет, прямо час», – сказала она и вышла. Семёныч оделся и вышел на улицу, ярко светило солнце, так, что глаза слепило, был конец марта. Зайдя в кабинет председателя, он поздоровался. Ждановский был родом с Урала, Семёныч из-за Уралья и он считал его своим земляком, правда семьями не дружили, как это было принято в поселке. «Садись Семёныч, в ногах правды нет», – показал Лёня, куда можно сесть. «Тут Душкин приходил, на тебя жаловался, что ты разрешение на баньку у него не взял, ёксель —моксель», – сказал Лёня со своими присказками, которые он вставлял как бы для связки предложения. «Давай выпишем задним числом, заплатишь там копейки, и у него будет галочка в отчёте, ексель-моксель», – предложил он Семёнычу. «Давай, пиши разрешение, а я схожу отдам ему», – предложил Семёныч Лёне.

На том и по решили. «Надо бы посмотреть, что там у тебя за банька, говорят жаркая, тетель-мотель», – сказал председатель. «Так приходи в субботу с бельишком, посмотришь, у меня и венички есть, ольховые, правда, но на раз хватает побить по телесам».

В субботу Семёныч, как всегда, затопил свою баньку. Он любил это занятие и топил всегда сам. «Папка, испеки печёнок на каменке», – попросил сынишка. К печёной картошке на каменке Семёныч приучил ребятишек как только построил баньку. «Ладно, испечём вам печёнок», – пообещал он сыну. Ближе к вечеру, банька была готова, Семёныч плеснул в каменку на раскалённые камни ковшик кипятка, чтобы весь угар вынесло наружу и закрыл трубу. Лёня уже пришел и сидел с женой Семёныча Светланой на кухне и пил чай. «Ну что Николаич, иди на первый жар, ты говорят хоть и худой, но паришься здорово», – сказал Семёныч гостю. «Да разденься, иди в рубахе и штанах, не замерзнешь, поди». Лёня взял сумку с бельём, надел шапку, пошел в баню. Разделся в малюсеньком предбанничке, отгороженным от парной и мойки листом фанеры. Войдя в баню, у него сразу запекло кончики ушей и казалось что они стали сворачиваться от жары в трубочку. «Вот это ексель-моксель», – удовлетворенно крякнул он и сел на широкую лавку прогреться. Предварительно налив воды в таз и распарив

веник, Лёня залез на полку, который был устроен на высоком прямоугольной формы баке для воды. Зачерпнув половинку ковша горячей воды, он плеснул в зев каменки, откуда со свистом вылетел сухой пар и сразу запекло все тело так, как будь-то он сам залез в каменку. Леня, охнув, сразу слетел с полка и присел на полу: «Вот это тетель — мотель», – только и смог проговорить он. Постепенно жар немного спал и тело Лёни нагрелось до нужной температуры. Он опять залез на полку, взяв веник, стал потихоньку бить себя по спине и бокам. Веник захватывая жар припечатывался к телу. Леня понемногу поддавал в каменку и со стоном хлестал себя веником. Напарившись досыта, он уже не мог мыться, просто вылил таз воды на себя и выполз в предбанник. Одеваться не было никаких сил – Лёня кое-как натянул кальсоны и рубаху не разбирая как, и выполз из бани.

Семёныч сидели на кухне со своим другом Димкой и его женой, кода зашел Лёня, они вначале ничего не поняли, почему он в кальсонах и рубахе, одетыми задом наперед и в валенках. Через несколько секунд они все рассмеялись и хохотали до икоты. Лёня стоял раскрасневшийся в таком комичном виде и удивленно смотрел на хохотавших, наконец до него дошло то, что как он одет и только смог сказать: «Ну и банька, тетель-мотель, ёксель – моксель». После этого Семёныч и Ждановские стали дружить семьями и дружат до сих пор.

P.S. Леонид Николаевич Ждановских умер рано уже здесь, на материке, но память о нём у нас будет жить до конца наших дней.

Сумка с бельем

Красовский, как и весь мужской люд на прииске, собирался в баню. Сегодня суббота, короткий рабочий день, и домой он пришел раньше обычного. Немного перекусив, он сказал жене: «Собери мне там бельишко в баню, я немного отдохну и пойду, там на меня очередь заняли». Жена быстро собрала белье и положила в сумку, которую поставила на кухне на табурет, а сама взяла такую же и пошла в магазин.

Придя из магазина, она поставила свою сумку рядом с той, где было бельё. Красовский был мужик в теле, килограмм на сто двадцать и когда отдыхал, храпел так, что стекла в доме дрожали и звенели стаканы в шкафчике на кухне. Жена подошла и толкнув его в жирный бок сказала, вставай, очередь в баню проспишь. Муж проснулся, открыл глаза, широко зевнув, встал. Одевшись, взяв сумку подумал, что-то тяжеловатая и пошел в баню. На улице стоял мороз, но Красовскому было не холодно, на нем был овчинный полушубок, распахнутый на груди.

В бане, как всегда было полно народу. Посидев с мужиками и обсудив приисковые дела, у него подошла очередь. Красовский зашел в предбанник, повесил сумку с бельем в свободный шкафчик, разделся и взяв свободный таз, пошел париться и мыться. Он вошел в парную, которая была не очень большая и занял половину полка. Парился веником из кедрового стланика, долго и неистово, гулко шлепая себя по спине и бокам, при этом пыхтел и кряхтел. Вдоволь напарившись, Красовский пошел в мойку, в которой долго мылся, намыливая здоровенную мочалку из лыка. Закончив все помоечные дела, он, распаренный и красный, вышел в предбанник. Немного посидев голым, отдохнувшим и остывшим, достал сумку с бельем.

Сунув руку в сумку, откуда хотел достать полотенце и белье, Красовский нащупал что-то мягкое, скользкое и сырое. Он выдернул руку и полностью открыл сумку, там лежал хороший кусок оленины. Он с удивлением смотрел на мясо и через какое-то время, до него дошло, что он перепутал сумки. Предбанник взорвался хохотом. Смеялись так громко, что в дверь просунула голову билетерша, но увидев голых, хохочущих мужиков и растерянного Красовского, сидевшего раскорячив свои толстые ноги, взвизгнув, быстро закрыла дверь. К бане подошла жена Красовского с сумкой в руках. «Передайте моему сумку с бельем, он не посмотрев, взял такую же только с мясом, – попросила она входящего в баню соседа, – а то придется грязное надевать». Красовский вышел из бани с двумя сумками в руках, у него был распахнутый полушубок и от него сразу повалил пар – на улице стоял мороз.

Романов

Романов был мужик крепкий и как вырубленный из цельного куска дуба. Конечно, тот плотник, что его вырубал, не слишком разбирался в мужской красоте и сделал так, как получилось. А получилось вот что: настоящий кряж с невероятной силой. Он мог один без крана поставить и снять ходовую часть на своей сотке, то есть на бульдозере. У него были сильные руки с тяжелыми, с пудовую гирию, кулаками. и таким же грубо сработанным лицом. По характеру, как и все сильные люди, он был незлобивым, мягким. По приезду на прииск со своей женой Соней, купили по дешёвке домик, срубленный из лиственницы, сразу при въезде в поселок горняков. Поселок имел красивое название: «Весенний» и располагался у подножия сопки. Нижняя часть, то есть въезд, располагалась в самом низу, где когда-то отработывали полигон по промывке золотоносных песков, и всё было засыпано мелкой галькой и песком. Строили потому, что тут не было грязи, и называлось это место – «кулаковка». Центральная часть, где была администрация и приискное жильё, строили на террасе, там тоже было всегда сухо, так как слой тундры был удален.

Была еще одна часть поселка – «нахаловка». Там тоже строили жильё, то есть частные домики, но в нахалку. Строить в тундре домики было себе дороже, летом там не проедешь, и администрация вначале не разрешала, а потом махнула рукой. Вот в «кулаковке» и купил Романов с женой небольшой домик. Сам он был бульдозеристом, а жена Соня устроилась в столовой, то ли посудомойкой, то ли ещё кем. У Романова был отменный аппетит и мел он все подряд: кислое, соленое, всё, что попадало под руку, и можно было разжевать и проглотить. Жена приносила из столовой всё, что оставалось и он, не брезгуя, съедал всё. Однажды, сидя у друзей за столом, хозяйка посетовала что у неё прокис борщ, который сварила только вчера и в нём много мяса. «Давай его сюда, час посмотрим, что там в кастрюле у тебя», – сказал Романов хозяйке. Она принесла кастрюлю с борщом и открыла крышку, там была шапка красной пены. «Да выливать только, куда его, был бы поросенок, так ему бы отдала», – все горевала хозяйка. «Давай сюда, добром раскидываться будешь, час мы его у тебя выльем куда надо», – забрал Романов кастрюлю из рук хозяйки. Он взял ложку, размешал все в кастрюле и сдвигая поднявшуюся пену, стал пить борщ прямо через край кастрюли. Попадавшееся мясо он проглатывал, а мелкие ребрышки выплевывал прямо тут же на стол. Выпив борщ, он налил стакан водки и опрокинул его в широко открытый рот, проглотив одним глотком. Крякнув, сказал: «Вот и всё, а ты боялась», – и рассмеялся. Водки он мог выпить немеряно, что и делал, но сильно пьяным его никто не видел.

Но один раз водка всё-таки сделала своё дело: Романов потерял соображение. Дело было в субботу, в банный день. Романов взяв белишко и заготовленный с лета веник из ольхи, березы на «Весеннем» не было, сунув в сумку две бутылки самогонки, отправился в баню. В бане, как всегда, было полно народу, но его пропустили без очереди. Романов зашел в предбанник, разделся до гола, вытащил бутылку самогонки, выпил ее прямо из горлышка, не закусывая, только крякнув, пошел париться. Мужики много чего видели в своей жизни, но такого – ни разу, они сидели с раскрытыми ртами. «Во даёт», – только и сказал один из них. Романов исхлестав свой веник о свое могучее тело, обмылся и вышел в предбанник, сел на скамью и вытащил вторую бутылку самогонки. Раскрутив ее, он вылил содержимое в глотку. То ли перепарился, или самогон был ядреным – его быстро разморило и он стал одеваться. Достав из сумки бельё, он вместо кальсон стал надевать свою рубаху, попадая ногой в рукав, который ни как не хотел налазить на Романовскую ногу. Все, кто был, с изумлением наблюдали за ним ничего не понимая, потом грохнул хохот – все поняли, что Романов просто пьян

и ничего не соображает. Насмеявшись вдоволь, мужики помогли одеться Романову и вывели его на улицу, посадили на толстый чурбан. Посидев какое-то время, он пришел в себя и, поднявшись, как ни в чем не бывало, пошел домой к своей жене Соне, на «кулаковку».

За Плиской

Здание весенненской бани было разделено на две половины. Одну половину занимала баня – другую прачечная. Всем этим хозяйством заведовала Раиса Фёдоровна. Она была женщиной доброй и хлебосольной, за что и любили её все, кто работал под её началом. Коллектив банно-прачечного хозяйства был небольшим и состоял из нескольких женщин, содержавших баню в чистоте. Ещё они стирали и гладили бельё для общежитий и небольшой приисковой гостиницы. Воду в баню завозили машиной-водовозкой, так же и дрова для топки парной. Все праздники и дни рождения на прииске начинали отмечать на рабочем месте, накрывая стол после рабочего дня там, где кто работал, а уж потом только дома. Так было заведено и в прачечной.

В тот весенний день, как раз после восьмого марта, у одной работницы прачечной, был день рождения и, конечно, она накрыла стол. Дождаться окончания рабочего дня не стали, и сели чествовать именинницу в обед, предварительно закрыв дверь на ключ. Неожиданно, после того, как были произнесены пару тостов и выпито столько же раз вина, зазвенел звонок телефона. Фёдоровна подняла трубку и услышала голос замдиректора по хозяйству: «Фёдоровна, тут на склад бельё поступило, приди и отбери что нужно, только быстрее, а то кладовщица домой отпросилась пораньше». Фёдоровна положила трубку и в сердцах сказала: «Приспичило же не вовремя, придется идти, – и с сожалением посмотрела на стол с закуской и бутылкой вина, – Ладно, девчата, вы тут сидите, отмечайте, а я быстро схожу и вернусь, не успеете и по рюмке выпить», – сказала и стала одеваться. На дворе хоть и был март, но на Чукотке он считался зимним месяцем. Одевшись, она сказала: «Я закрою вас на ключ, а то не ровен час, начальство нагрянет, придется делиться», и, засмеявшись, вышла.

Оставшиеся женщины допили вино из бутылки, Фёдоровны всё не было. Тут одной из них пришла в голову хорошая мысль: «А чё мы будем ждать Фёдоровну, она может только к вечеру освободится со своим бельём, а нам бы не помешало ещё бутылочка, больно хорошо идет. Может сами гонца пошлем в магазин за бутылкой Плиски» – предложила она. Плиски, это был болгарский коньяк, пятилетней выдержки, завезенный на склад торговли. «Так мы же на ключ заперты, как же выйдем-то», – возразила Раечка. «Так дверь закрыта, а мы в окно вылезем», – подала дельную мысль именинница. Осмотрев окна, выходящие прямо в улицу, сделали заключение, что окна, которые не открывались с самого дня постройки не открыть. Тут Раечка, опять нашла выход: «Так вон в то окошко можно вылезть, оно же открывается». Окно, действительно, было на дальней стене, но настолько мало, что в него мог пролезть только маленький человек. В прачечной работали женщины с приличными грудями и такими же бёдрами. Все посмотрели на Раечку, она была как раз то, что надо, груди почти не видно, да и бедер тоже. «Вот ты и пойдешь за Плиской. Мы поможем тебе пролезть в это окошечко», – сказала именинница.

Окно выходило в сторону тундры и было высоко. Под ним проходил деревянный короб теплотрассы. Раечке помогли влезть в окно вперед ногами, и она стала потихоньку опускать ноги уже снаружи, пытаясь достать до досок короба. Но на ее беду, с той стороны внизу окна торчал не полностью забитый гвоздь, за который она зацепилась подолом. Чем ниже она сползала, тем больше оголялся ее зад в тёплых трусах. Почувствовав ногами доски, она застряла и повисла. «Девкиии, что делать-то? Я не могу отцепиться, у меня задница замерзает». Женщины не могли ничем помочь подруге, потому как ни одна не могла пролезть в маленькое окно, а дверь была заперта на замок. Так и висеть бы Раечке на гвозде, пока не пришла Фёдоровна, но на счастье подъехала водовозка, и женщины забарабанили в стекло, привлекая внимание водителя, Феде татарина. Федя никак не мог понять, что от него хотят женщины, оравшие там за стеклами двойной рамы. Он подошел к двери прачечной и подергав её за ручку, услы-

хал женщин. Наконец он понял, что ему надо обойти здание и там кому-то помочь. Федя так и сделал. Завернув за угол, он открыл рот от изумления. Перед ним висела Раечка с задраным подолом. Осознав всю комичность происходящего, он громко рассмеялся и подойдя к бедолаге, шлёпнул её по заду сказал: «Ну, что с тобой сделать? И просить не надо, все готово». «Ой, Федя,ними ты меня с этого чертога гвоздя, уже замерзла вся». Федя хоть и был роста небольшого, но силы ему было не занимать, он обнял Раины ноги и легко приподнял её. «Девчата, там отцепите её кто-нибудь с гвоздя», – крикнул он женщинам.

Наконец Раю отцепили и они с Федей пошли в баню, где было открыто. Тут пришла Фёдоровна и, увидев Раечку, удивлённо спросила: «Ты как вышла? Я же закрыла вас». «Да меня за Плиской послали через окно, вот греюсь. Замерзла пока вылазила», – ответила она. Так отметили день рождения одной работницы прачечной. За Плиской, конечно сходили, но уже через дверь.

Медведь

Вертолет, сделав круг, сел на речной косе. В открывшуюся дверь выглянул пилот и опустил лесенку, по которой спустились на галечник ягодники. Приисковое начальство разрешало возить рабочих прииска за смородиной, росшей по берегам и островам Большого Анюя. Женская часть и несколько мужчин сразу разбрелись по острову, поросшему лиственницами, где росло множество кустов смородины. Ягод уродилось много, они гроздьями свисали с веток, и брать их было легко, просто сдвывая с ветки. Был среди прилетевших Володя с сынишкой, они не пошли в лес, Володя осмотрелся и в конце косы увидел завал леса – это весной половодьем натащило подмытых деревьев. Они подошли к завалу и увидели, что протока была тупиковой, это значит что у неё не было выхода в речку. «Вот то, что нам надо, тут и порыбачим мы с тобой, сынок», – сказал Володя сыну. Они забрались на завал и увидели в прозрачной воде, множество молодого хариуса, который не мог попасть в речку.

По весне рыба идёт на нерест в небольшие ручьи и в протоки, вода в них прогревалась лучше и, отметав икру, выйти из протоки уже не могла, так как вода спала и протоки оказались отрезанными от реки. Осенью, когда пойдут дожди, вода снова прибавится и тогда вся рыба скатится в речные ямы на зимовку. Срезав по пруту и привязав к ним леску с небольшой блесенкой, на крючок прицепили по коричневой шерстяной нитке, имитация наживки, забросили их в воду. Не успела блесна упасть в воду, хариус с жадностью схватил наживку. «Ну, сынок, будем с хариусом, мы тут быстро надергаем и успеем еще ягод набрать», – сказал Володя сыну, который с радостным лицом, таскал хариуса одного за другим. Через час-полтора, рыбаки наловили полную сумку хариуса. «Ладно, сынок, хватит нам рыбы, пойдём ягод наберем, вот мать обрадуется, когда домой прилетим вечером», – удовлетворенно сказал отец сыну. Они слезли с завала и Володя, повесив сумку с рыбой на сук лиственницы, сказал: «Ягод наберем, все равно придем к вертолету и рыбу заберем, пусть повисит тут, не таскать же ее с собой».

Рыбаки, прихватив ведро под ягоды, удалились вглубь леса. Ягодники, перекликаясь, собирали ягоды. «Вот тут и будем брать смородину, вон сколько ее тут», – показал рукой отец сынишке и они стали собирать. Первые ягоды звонко упали на дно ведра, но их было так много, что ведро быстро стало наполняться. «Папа, папа, смотри, кто это там, такой лохматый», – тихо прошептал сынишка. Володя посмотрел куда показывал сын и увидел медведя. Медведь не чуял их, он мирно ел ягоды. Володя взял палку и громко застучал по ведру, при этом что-то закричал. Медведь от неожиданности присел и, затем развернувшись, дал такого дёру, что только кусты затрещали. «Перепугался мишка, наверное молодой еще, они сейчас жир наедают на зиму и едят все подряд, траву, ягоды и вообще всё, что попадет съестное, могут и оленя задрать», – сказал Володя испуганному сыну.

Володя был не только заядлым рыбаком, но и охотником. Набрав полное ведро, они двинулись к месту сбора, куда уже подходили остальные ягодники. Скоро должен был прилететь за ними вертолет. «Ты посиди тут с ягодами, а я схожу к завалу за рыбой», – сказал Володя сынишке и пошел в сторону завала. Он подошел к дереву, куда повесил брезентовую сумку с рыбой, но ее не было. «Что за фокус, куда делась сумка с рыбой, может уже взял кто из ягодников?» – подумал он, но тут увидел следы. Это были следы медведя, чётко отпечатанные на песке. Володя огляделся вокруг и увидел свою сумку в нескольких метрах от дерева, но уже пустую. «Да это же медведь украл нашу сумку с рыбой», – с досадой проговорил он про себя. Володя подошел к месту сбора. «А где рыба, не нашел сумку?» – спросил сынишка. «Медведь забрал, наверное в отместку, что мы его напугали, – весело сказал отец и рассмеялся, – надо же, какой обидчивый попался». Вскоре показался вертолет, все ягодники были в сборе, с полными ведрами ягод чёрной и крупной смородины, смородины с Большого Анюя, что на Чукотке.

Эту историю написал не я, ее поведала мне моя хорошая – друг, с которой мы жили в одном поселке на Чукотке. Она работала в школе и учила наших детей. Зовут ее – Нина Марцинкевич

Чукотское лето заканчивалось, все стремились набрать как можно больше грибов и ягод, чтобы скрасить такую прекрасную, но все же очень затяжную зиму. Женщины в поселке были настоящие мастерицы, они выпекали из этих ягод такие вкусные пироги, которые таяли во рту. В один из теплых и солнечных дней нам было предложено слетать за смородиной. Собрались быстро, компания состояла из трех женщин и шестерых детей. Летели шумно, ребяташки чувствовали новые приключения и веселились во всю. И вот уже вертолет приземляется на большой поляне, все радостно выходят на воздух, поднимается суматоха, начинаем разбирать вещи. Хочется побыстрее заняться сбором ягоды, но не тут-то было! Ребяташки просят покормить их, ибо дома завтракать не хотелось. Надо сказать, что мы были сориентированы на 3—4 часа, поэтому много еды не брали. Но все же скатерть-самобранка появилась на земле, мы дружененько позавтракали, пригласили и вертолетчиков, Было на душе очень благостно и спокойно. Может потому, что воздух на острове был просто чудесный: вокруг были огромные кусты дикой смородины, которая была чрезвычайно душистая. Причем пахли и листья, и ягоды. Крепкий смородиновый дух стоял наполнил воздух этого островка.

Мужчины вдруг засуетились, поблагодарили за обед и вертолет улетел. Кроме нашей компании остались два вертолетчика, якобы им тоже хотелось набрать смородины. Мы разбрелись по местности, дети затеяли игру, а взрослые приступили к сбору ягоды. Об этом событии можно говорить бесконечно, это было так здорово, что не знаю, сумею ли я Вам передать всю красоту, которая нас окружала. Кусты были большие, на них мощные листья и сочные ягоды. Все увлеклись работой и перекликались с детьми, чтобы никто не потерялся. И вдруг мы услышали звонкий крик, дети кричали и показывали рукой в сторону ручья. Они кричали, что видят двух человек по ту сторону ручья. Мы заинтересовались пришельцами, было как-то тревожно и странно. поселок очень далеко, летом по тундре особенного движения и не было, Охотники на вездеходах, но мы не слышали никакого гула мотора, который бы показал наличие техники.

Первыми пришли в себя вертолетчики. Поступила команда всем собраться вместе, нам было сказано, что никакие это не люди, это были самые настоящие медведи. Хочу сказать, что от нас это было довольно на большом расстоянии, да еще и через ручей, поэтому дети сперва и приняли мишек за людей. Может эти сладены пришли ягодой полакомиться, кто знает, но мы испугались сильно. Мы – это мамочки, а дети от радости прыгали, что-то орали, одним словом приключение им понравилось. А вот дальше было следующее. Вертолет улетел на участок, я уже не помню, на какой, может на «Дальний» Не помню. И вот там, на участке он сломался, за нами в назначенное время так и не прилетел. Это сейчас мобильные телефоны, а тогда связь только по рации. А рация где? Правильно! В сломанном вертолете. Наши детки наигрались мы смородины набрали полные ведра, вертолета нет, а дети просят опять за стол... А на «скатерти-самобранке» пусто, съели все по приезду.

Тут мужчины посоветовались и затеяли разжечь костер. У нас был и чайник, выдавший виды..., и топор! Это было счастье! Топор в последнюю минуту, уже перед вылетом, нам выбросил товарищ вертолетчиков.

Мы засыпали и листики и ягодки смородины в чайник, еще какую – травку находили, все это закипело, забулькало, разнесся аромат на всю округу. Чай был прекрасный, все пили с наслаждением, с удовольствием, а дети развивали теорию о том, какой вкусный хлебушек в нашей поселковой пекарне. С каким удовольствием они съели бы по ломтю, нет, по два больших ломтя хлеба. И тут вертолетчики объявили, что световой день закончился и за нами прилетят только утром. Они ушли в заросли за хворостом для костра. Я не сказала, что заросли напоминали лес, они были густые, темные и уже не казались такими праздничными и светлыми, как по приезду. Наносили целую кучу веток для костра. Дети притихли, очень хотелось есть, но они понимали, что ситуация серьезная.

И тут все услышали какой-то гул. Сначала это было далеко и непонятно, потом очень стремительно вылетел вертолет, он закружил над поляной. Никогда в жизни наши дети не видели, чтобы мы так прыгали и кричали «УРА!!!». Все закончилось благополучно. Потом мы узнали, что из Билибино срочно привезли детали, чтобы отремонтировать тот вертолет, который сломался.. Он улетел в Билибино, а за нами пришла та машина, которая привезла спасительные детали. Когда мы прилетели на Весенний и прощались друг с другом, вертолетчики нам поведали, что на том острове они видели следы и других зверей! Прошло много лет, девочки мои совсем взрослые, но эту историю они помнят очень хорошо.

Спасибо тебе, мой родной Север и за эту историю, и за то, что ты был в нашей жизни. Ты научил нас ценить и понимать людей, ты научил нас видеть красоту родной природы, любить и ценить эту природу! Таких звезд, такого неба, такого солнца, такой зимы нет нигде!

Вкусный ветер

Паша, как всегда, проснулась рано, как говорят, с первыми петухами. Она работала в поселковой пекарне, выпекала хлеб. Была она женщиной не старой, дородной. Может у неё была когда-то своя семья, но об этом никто не знал. На прииск она приехала одной из первых, может, с другого прииска, может с материка, кто-то дал вызов, для приезда на Весенний. В то далекое время на Чукотку можно было приехать только по вызову предприятия, в связи с пограничным контролем – американская Аляска была рядом

Паша пришла в пекарню, где уже были её помощницы, и занялась своим привычным делом, то есть тестом, которое уже подошло и было готово для выпечки. Тесто она замешивала сама, не доверяя помощницам, хотя те тоже умели это делать, но хлеб получался какой-то не такой, как у Паши. Сделав все дела, они раскатали тесто и, разложив по формам, засунули их в разогретую электропечь. Через определенное время они вытащили испекшийся хлеб. Паша отломала от горячей буханки небольшой кусочек и сунула себе в рот, прожевав и проглотив, она удовлетворенно сказала: «Пропекся». Пекарня была в небольшом домике, разделенным пополам, в другой половине был хлебный магазин, что было удобно для всех. Остывший хлеб тут же через дверь попадал на прилавок магазина. Нужно сказать, что хлеб на Весеннем пекли только белый и буханки были вдвое больше, чем обычные.

Семёныч шёл со своими напарниками домой на обед, их бульдозер стоял на профилактическом ремонте в боксе. На дворе стоял апрель, на небе не было ни облачка. Ярко светило солнце, словно стараясь наверстать упущенное время, когда оно несколько зимних месяцев не появлялось на небе. Дул легкий, приятный ветерок. «Хлебом пахнет, свежим», – сказал Семёныч друзьям. «Да, вкусный ветерок дует, это Паша-пекариха хлеб из печи вытащила, запах ни с чем не сравнимый», – ответил один из друзей. Семёныч с напарниками зашли в хлебный магазин и купили ещё тёплого хлеба. «Паша, как ты делаешь хлеб таким вкусным и запашистым? Запах идёт по всей улице. Ноги сами несут в магазин за хлебом», – шутливо спросил Семёныч у Паши, принесшей очередной лоток с хлебом. «Да всё просто – душу вкладываю в каждый замес теста, нет никакого секрета», – так же шутливо ответила пекариха. «Нееет, есть у тебя какой-то секрет, не зря за твоим хлебом из района заказы делают, вон вертолётчики каждый раз по мешку берут», – сказал Семёныч, беря хлеб в руки. Выйдя из магазина, вся компания дружно стали откусывать угол у тёплой буханки и нахваливать Пашу. «Ну Паша, ну молодец, какой же вкусный хлеб печёт, удержаться невозможно, чтобы уголок не отгрызть, как дети, ей богу». Так все, жуя хлеб, разошлись по домам. «Опять углы у буханки обгрыз – стала выговаривать жена Семёнычу, когда он положил буханку на стол, у которой не было двух углов, – ты как сын, так он мал еще», – со смехом добавила она.

Паша отработала в поселковой пекарне несколько лет и, уволившись, уехала. Куда, никто не знал, может на вновь открывшийся прииск, может на материк искать свое бабье счастье. Хлеб продолжали печь её бывшие помощницы, тоже белый, тоже вкусный, так же разносит ветер вкусный запах свежеспеченного хлеба, но не такой как у Паши-пекарихи: не было в нём её души.

Обжора

Серёга жил на чукотской фактории¹ и занимался охотой. Жил здесь давно и был у него свой небольшой домик. Домик ему выделил оленеводческий совхоз, где он числился. Летом охотничий сезон был закрыт, и Серёга занимался рыбалкой. Рыба шла ему на питание свежей, ещё он её вялил и коптил впрок, на зиму. Зимой занимался добычей пушного зверя. Добывал белку и соболя, также иногда бил зверя покрупней: сохатого, или отбившегося от стада оленя. Мясо сохатого разделявал и сдавал в совхоз, оленя оставлял для себя.

На фактории не было электричества, значит, не было и холодильников. Серёга сделал свой, чукотский: он выкопал летом глубокую яму, стенки и потолок забрал тонкими стволами лиственницы, сверху навалил толстый слой земли и мхов, которые хорошо держали летом холод. Над погребом построил небольшой сарай, где хранил всякую охотничью всячину. Зимой погреб был открыт. Серега натаскивал туда большие куски льда, наколотые на небольшой речке, протекавшей рядом с факторией. Ближе к весне он складывал в погреб нарубленные и заглазированные льдом куски оленины. Если зимой оленины было много, то летом пастухи-оленоводы откочёвывали на побережье вместе со стадами оленей. Там меньше было кровососущего гнуса, потому как на открытой тундре всегда дул ветерок.

Сейчас была зима, градусник опускался по ночам ниже пятидесятиградусной отметки. Серёга проснулся рано, встал, сунул в печку дров и поставил чайник. Сегодня он собирался сходить в дальний распадок², проверить капканы, поставленные на соболя. Соболя в этом году было много, и Серёга никогда не возвращался с охоты пустой. Плотно позавтракав вареным мясом и выпив кружку чая, он оделся и, закинув за плечи рюкзак, в котором была банка тушенки и пачка чая, надел на шею ремень с ружьем и вышел на улицу. На небе горели яркие звезды, до рассвета было ещё далеко, в этих краях ночи были длинными, а дни настолько короткими, что солнце только могло показать краешек и опять уйти за сопку

Серёга одел широкие охотничьи лыжи, подбитые снизу камусом, чтобы лучше скользили, не проскальзывали назад при подъёме, и ходко побежал по своей же лыжне, проложенной в прошлый раз, когда ходил ставить капканы. Через час-полтора он добежал до своего распадка и перешёл на шаг. Брови с ресницами и борода с усами были от мороза в инее. Тут он увидел след, идущий прямо в распадок, где стояли капканы. Серега остановился и присел, он внимательно осмотрел следы, потрогал пальцами и произнес вслух: «Росомаха совсем недавно прошла, как бы моих соболей не сожрала, обжора окаянная». Охотник снял ружьё с шеи, зарядил патрон с картечью и осторожно пошел по следу. Вскоре он увидел ещё один след, след оленя, который шёл от соседней сопки к кустам тальника, росшим по берегам небольшого ручья. «Олень, то ли подранок, то ли копытка... – было видно по следу, что животное волочит ногу, – так вот почему тут росомаха появилась, поживу почувяла», – подумал Серёга. Следы шли в одном направлении, и охотник, внимательно всматриваясь в кусты, услышал рычание. Осторожно раздвинув ветки – на небольшой поляне он увидел оленя, который наклонив рога, пытался напугать рычащую росомаху. Росомаха хоть и была свирепой, но напасть боялась – она питалась, в основном, падалью. Занятые своим делом звери не почувствовали человека. Серёга прицелился и выстрелил. Росомаха, подпрыгнув высоко в воздух, упала в снег. Олень испуганно рванулся в сторону и тут же упал на передние колени: он не мог бежать. Охотник

¹ Фактория (устар.). В отдалённых промысловых районах: торгово-снабженческий и заготовительный пункт. Пушная фактория на Севере.

² Распадок – мелкая плоская ложбина; небольшая боковая долина, выходящая в главную (Вост. Сибирь)

вторым стволом прицелился в оленя и выстрелил, олень завалился на бок. «Все равно бы погиб, и звери сожрали», – сказал охотник вслух. Серега быстро разделал оленя на части, разгреб снег, сложил мясо туда. «Замёрзнет, на обратном пути прихвачу», – подумал он. С росوماхой он расправился еще быстрее, сняв с нее шкуру с густым мехом. «Вот, на опушку капюшона пойдет. Мех не обмерзает изморозью, всегда сухой», – удовлетворенно сказал вслух Серёга. Он всегда выражал свои мысли вслух, так как по большей части, всегда был один и приходилось разговаривать с самим собой. Серёга одел лыжи и побежал дальше в распадок проверять капканы, в которые попали два соболя.

На обратном пути он положил мясо оленя на свои широкие лыжи на замерзшую шкуру росумахи. Затем, привязав к носкам лыж бечёвку, пешком пошёл по своей лыжне домой, таща за собой лыжи с поклажей. Мороз схватил снег на широкой лыжне как бетон, идти было легко, лыжи, подбитые камусом, катились хорошо.

Дома Серёга растопил погасшую печку, поставил на неё чайник и кастрюлю с водой, в которой он сварит свежее мясо оленя и вкусный бульон. Он вышел на улицу, чтобы взять мясо. На чёрном небе горели яркие звезды, начиналось северное сияние.

Михалыч

Павел Михайлович приехал на прииск давно из Грозного. В то время их приехало около десятка мужиков – кто-то прижился, кто-то уехал на другие прииски. Прииск был ещё молодым и не обжитым, были трудности с жильем. Михалыч, так звали Павла на прииске за спокойный характер и добродушие, был бульдозеристом, как говорят, от бога. Отработав какое-то время, он вызвал к себе семью: жену и двух пацанов. Тогда на приисках ещё не было тяжелых импортных бульдозеров и работали все на сотках, то есть стосильных бульдозерах челябинского тракторного завода. Работа была на золотоносных полигонах круглые сутки.

Быстро изнашивалась ходовая, которую приходилось менять два раза в год. Михалыч пригнал свой бульдозер на плановый ремонт в мастерские, где поджидали два сменщика. Экипаж состоял из трех человек, работали посменно, меняя друг друга. «Михалыч, что делать будем?» – спросил один из сменщиков. «Менять ходовую, гусеницы и катки опорные, вон, всё изношено. Вы сегодня разбирайте, а завтра получим всё на складе и поставим новые», – дал задание Михалыч, как старший в экипаже. Он был с ночной смены и пойдёт отдыхать, а завтра с утра тоже выйдет на ремонт. Нужно было всё сделать за три дня – столько давалось времени для такого ремонта. Утром, придя в мастерскую, Михалыч оценил работу напарников и сказал: «Молодцы, все сделали как надо». Как надо – это с трактора были сняты бульдозер, то есть огромная лопата, которой гребут грунт. Сам трактор был выставлен на подставки и с него сняты гусеницы и опорные катки. «Так, ребята, берите трактор—хозяйку и дуйте на склад за новыми гуськами и катками, на всё про всё у нас два дня. Надо успеть всё сделать».

Притащив со склада всё, что нужно, принялись за работу. К вечеру уже стояли новые катки и поменяно масло в двигателе. «Завтра протянем болты на башмаках гусениц, обуем трактор, и в ночь на полигон», – сказал Михалыч. Протянуть болты на башмаках, это значит нужно все болты – по четыре штуки на каждом и тридцать шесть башмаков на одной гусенице затянуть ключом. Работа самая тяжёлая, так как нужно затягивать ключом с длинной метровой ручкой до упора. С утра все трое взялись за протяжку болтов, работа шла споро. «С обеда один не выходит. В ночь – на смену. А кто – решайте сами», – распорядился Михалыч. К вечеру третьего дня ремонта трактор был опущен с подставок, обул в новые гусеницы и одета лопата. «Ну что, успели всё сделать?» – спросил подошедший механик. «Да, в ночь на полигон. Давать стране золото», – ответил Михалыч.

Шло время, на прииск пришла новая тяжелая техника, вначале бульдозера Дэт—250, того же завода, что и сотки, затем стали приходит импортные американские бульдозера фирмы «Катерпиллер» и японские «Камацу». Бульдозера намного мощнее и крепче, чем отечественные. Бульдозеристов стали посылать на курсы квалификации в Магадан, где учили на ДЭТ-25, и в Сусуман, что на Колыме, на импортную технику. Михалыч как работал на сотке, так и продолжал работать. Как-то встретил его главный инженер прииска и сказал: «Михалыч, ты когда пересядешь на импортный, тяжелый бульдозер? Всех уже переучили, а ты всё на своей старенькой сотке». «А меня она устраивает, свой кусок хлеба я и на ней зарабатываю, пусть молодые работают на новых. Я уж по старинке, привык я к ней, как к родной», – всё отшучивался он.

Время неумолимо бежит вперёд, вот уж сыновья отслужили в армии и тоже стали бульдозеристами. Так наступил конец СССР. Всё в одночасье рухнуло: и все прииски закрылись. Люди уехали на материк, бросив все нажитое за долгое время, прожитое на приисках. Уехал с женой и Михалыч, уехал на Украину, где была построена кооперативная квартира.

Прожил Павел Михайлович Чиж долгую жизнь, большую часть которой на Чукотском прииске. Ушел из жизни по-тихому в возрасте восьмидесяти восьми лет в здоровом уме и светлой памяти, не обременяя никого. Умер здоровым.

Глаза в глаза

Нина Викторовна приехала на Весенний вслед за мужем с двумя дочками близняшками. По профессии она была учительницей, и её с радостью взяли в школу, которую не так давно построили в поселке. Школа была двухэтажной. По меркам посёлка – большой, в ней были светлые, большие классы и хороший спортивный зал. Вот в такой замечательной школе стала работать Нина Викторовна. Женщина она была весёлая и ласковая, всех учеников называла ласкательными именами: Вовочка, если мальчик, или Светочка. Ученики любили её и за спиной называли – Ниночка.

В один из сентябрьских выходных коллектив учителей упросил начальство прииска свозить их на вертолёте на Большой Анюй за смородиной, там её было много и она уже созрела. На прииске часто возили на вертолете работников за смородиной и брусникой, мужчин – на рыбалку. Так полетели и учителя. Ниночка уже летала раз за смородиной и брала с собой своих дочек, сейчас же людей собралось полный вертолёт и детей не взяли. Летели не долго, через двадцать минут вертолетчики, выбрав подходящую галечную косу, посадили вертолет. С ягодницами был один мужчина, чтобы им было не так страшно в лесу: прошлый раз видели пару медведей, лакомящихся смородиной. Все вышли из вертолётки и командир машины сказал, что залетит за ними часа через три-четыре и чтобы все были в сборе на этом месте. Закрыв дверь, поднял вертолет в воздух.

Проводив вертолет, ягодницы взобрались на крутой берег косы и углубились в лес. Кусты смородины росли повсюду среди лиственниц, ягода была крупная. Чтобы не мешать друг другу, все постепенно стали разбредаться, переходя от куста к кусту, всё отдаляясь друг от друга. Ниночка собирала ягоду быстро, не забывая класть себе в рот те, которые считала лучше и крупнее. Подойдя к одному кусту, который был больше и гуще других, она присела. Поставила ведро, наполненное на две трети, стала обирать куст. Вдруг она каким-то чутьём поняла, что она тут не одна и стала озираться по сторонам. Подруг не было видно, только где-то далеко слышно было ауканье. Ниночка почувствовала какую-то непонятную тревогу, она вспомнила тех медведей, которых видели в прошлый раз и ей стало страшно.

Неожиданно кусты зашевелились, она испуганно подняла глаза – на неё сверху нависли огромные рога – это был сохатый. Он стоял и смотрел на Ниночку, которая с перепугу села, сжав ведро между ног. Она не могла оторвать своих глаз от глаз зверя... Они смотрели друг на друга глаза в глаза. Наконец сохатый поднял голову с огромными рогами и, как показалось Ниночке, ухмыльнувшись и подмигнув, удалился на своих длинных ногах в лес. Наконец немного отойдя от испуга (у неё прорезался голос), она хотела громко позвать хоть кого-нибудь, но тонкий голос тут же затерялся в лесу. Посидев немного в обнимку с ведром, она поняла, что угроза миновала и можно добирать ягоды.

Тут она услышала голоса подруг, набравших свои ведра и потихоньку идущих к месту сбора. Нина добрав своё ведро, тоже пошла на голоса и вышла как раз на косу, где уже собралась добрая половина ягодниц. Ниночка рассказала подругам о встрече с сохатым и то как они смотрели друг другу глаза в глаза и он ей ухмыльнувшись, подмигнул.

Вертолет прилетел вовремя, забрал ягодниц с полными ведрами смородины и впечатлениями на всю жизнь. Впечатлениями о красивой, по осеннему яркой природе и крае непуганых зверей в долине реки Большого Анюя.

Попутный рейс

Галина Константиновна пришла на работу в поселковый медпункт, как обычно, утром. На её рабочем столе стоял букет цветов, хотя в начале сентября на Чукотке взять его где-то казалось невозможно. У неё сегодня был день рождения. Она посмотрела на своих помощниц медсестёр и с благодарностью подумала: «Вот где они берут цветы в это время, скоро снег выпадет, а они находят и дарят каждый год». Галина Константиновна приехала в поселок Весенний несколько лет назад вслед за мужем и, так как она была по образованию врач, её назначили заведующей здравпунктом. Здравпункт в то время был совсем маленьким, и помещался в одной комнате с закутком для процедур, отделённым тонкой перегородкой. До районной больницы в Билибино было триста километров сопки и тундры, куда можно было добраться летом на маленьком самолёте АН-2, зимой – по зимнику. Так что лечить приисковых больных приходилось Галине Константиновне всех, не только тех, кто жил в самом посёлке, но и на участках, которые находились в нескольких десятках километрах от поселка.

Приняв немногочисленных больных и выписав им что положено для лечения, всем маленьким коллективом сели пить чай. Только разлили горячий чай по чашкам, как открылась дверь и в неё ввалился незнакомый мужчина. Видно было, что он спешил и капли пота блестели у него на лбу. «Кто тут врач, кто главный?» – спросил он. «Что случилось? И откуда вы?» – спросила у мужчины Галина Константиновна. «Я с Баимки пришёл, с метеостанции, у меня там жена рожать надумала. А вертолёт из района прилететь не может – перевал туманом закрыт. Помогите!» Баимка когда-то был геологическим посёлком, но с открытием прииска его упразднили, там осталась только метеостанция, где работала семья: муж и жена. «Вы-то на чём добрались, ведь двадцать километром и без дороги?» – спросила врач у мужчины. «Да пешком, на чём же ещё! Торопился очень, успеть бы», – он с надеждой посмотрел на докторшу. Галина Константиновна быстро оделась и сказала: «Пойдемте к директору прииска. Сейчас вертолет попросим, куда он денется, даст». И они вышли.

Галина с мужчиной зашли в контору прииска, которая располагалась напротив здравпункта. Директора не оказалось на месте. «Уехал на участок, когда будет – не сказал», – огорчила врача секретарша. «Идите к заму, поможет, он же этим хозяйством заведует», – посоветовала она докторше. Галина Константиновна зашла в кабинет зама и сказала зачем нужен срочно вертолёт. «Поедем на вертолетную площадку быстрее, там вертолет готовят к вылету на участок и по пути вас забросят», – сказал заместитель директора. И они быстро вышли из кабинета. Быстро доехав на уазике до площадки, где вертолёт уже был запущен и готовился к взлёту. Зам. замахал руками вертолётчикам, привлекая их внимание, показывая на доктора. Командир заглушил двигатель и открыл форточку кабины: «В чём дело, Владимир Иванович?» – так звали зама. «Забросьте на Баимку доктора, там женщина рожать надумала и потом на обратном пути заберете её», – сказал зам командиру вертолёта. «Хорошо, сделаем», – ответил командир и рукой показал на открывшуюся дверь. Галина Константиновна с мужем роженицы сели в вертолёт, и через несколько минут лёту были на месте. Они быстро прошли в домик метеорологов и как раз вовремя: у роженицы начались схватки. «Быстро нагрейте воды и дайте чистую простыню», – сказала докторша мужу роженицы.

Через час криков роженицы родился ребенок. Галина Константиновна взяла его за ножки, приподняла и шлёпнула по попке, он тут же залился звонким криком. «Сынок у вас, мальчик», – радостно объявила родителям врач, – здоровенький горлопан. Ну кричи—кричи, оповещай мир, о своем появлении», – всё говорила она. Мужчина, отец ребенка, сидел и выти-

рал пот со лба – он не знал, что делать и что говорить – ребенок у них был первый. Мать ребенка, устало улыбаясь, взяла кроху на руки и дала грудь, сын сразу нашел сосок и замолчал. Галина Константиновна давала наставления как и что делать и сказала, что будет навещать при okazji, так как до района далеко и погода подводит, районный врач не всегда может прилететь.. Вскоре прилетел вертолёт.

Галина Константиновна Пашнина, была бессменной заведующей здравпунктом посёлка Весенний. Она добилась, что здравпункт из маленького превратился в четырёхкабинетный с хорошим медицинским персоналом. Сколько было принято родов её маленькими и красивыми руками, сколько больных получили помощь! Все, кому пришлось знать эту небольшого роста, с неизменной улыбкой красивую женщину, будут с благодарностью помнить о ней, как о хорошем докторе, да и вообще, о хорошем человеке, с красивой душой, о нашей Галине Константиновне.

Сердце дракона

Участок Извилистый был в ста двадцати километрах от поселка Весенний. Зимой звено дорожников нарезали туда зимник, летом можно было добраться только на вертолете. Участок был зажат голыми сопками, зимой там казалось как-то неуютно. Участок был небольшой, не перспективный, и хорошее жильё строить там не имело смысла. Рабочие горного производства жили в одной большой палатке, в которой умещалось около тридцати кроватей с большой железной печью посередине. У начальника участка был небольшой финский домик на полозьях, где стояло две кровати и стол. Так же в отдельной палатке была столовая. Печки топились дровами, за ними ездили на тракторе в соседние распадки, где росли лиственницы. Зимой велась вскрыша торфов; весной, как только появлялись ручьи, начиналась промывка песков. Золото в песках было высокой пробы и большого содержания, попадались небольшие самородки.

«Завтра приедут монтажники промывочный прибор строить, готовить будешь и для них», – сказал начальник участка Николай Недоступ повару. «Надо бы за продуктами съездить в посёлок, пока дорогу не развезло, – сказал повар, – да и мясом холодильник пополнить». Мясо на участок завозили сразу несколько туш оленей, иногда охотники-любители забивали сохатого. Солнце поднималось все выше и светило все ярче. Снег на сопках быстро таял, заполняя ручей Извилистый талой водой. Монтажники, построив промывочный прибор и насосную, уехали на другой участок. Начальник пришёл на полигон в тот момент, когда бульдозеристы остановили свои бульдозеры и сели к небольшому костру, над которым висел закопченный чайник, попить чаю. «Ну что, завтра начнем промывку», – наливая себе чай в такую же прокопченную как чайник, кружку, черного как дёготь чая, сказал он. Чай на приисках Севера заваривают в чайнике, высыпая всю пачку индийского чая, и пьют маленькими глотками с карамелькой. «Воды уже достаточно набралось в зумпфу³, думаю, хватит», – говорил он, прихлёбывая горячий и крепкий чай. Рабочие соглашались с начальником, им тоже хотелось побыстрее начать промывку песков.

³ Зумпф – искусственный водоем для сбора воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.